

Вера ЛАВРИНА

КРЕСТНЫЙ ХОД «ПО СТОПАМ АЛТАЙСКИХ МИССИОНЕРОВ»

Впечатление участника

– Крестный ход – это походный монастырь, здесь главное – молитва, – наставлял нас в первый день отец Лаврентий, руководитель хода.

Так и было: день начинался и заканчивался с утренних и вечерних молитв. Сколько мы шли, столько и пели Иисусову молитву. Днём между переходами почти всегда читался акафист. За трапезой мы слушали произведения православных авторов. Три раза служилась литургия, а перед ней – вечерние богослужения.

Когда я впервые оказалась в колонне крестоходцев, а среди них многие были неновички, то обратила внимание на их сосредоточенность, спокойствие: никакого предстартового возбуждения или ажиотажа. Первый отрезок пути, четыре километра, мы прошли по Горно-Алтайску, от Покровского храма до Свято-Макарьевского. Вокруг – городское пространство с обычной суетой, шумом: машины, прохожие. Колонна мерно шла, флажконосцы поднимали и опускали флаги, всем ходом творилась Иисусова молитва, люди были внутренне собраны, отрешены от внешнего.

Так начался наш крестный ход «По стопам алтайских миссионеров», десятый по счёту. Он был самым длительным из всех – рассчитан на 15 дней. Каждый год кураторы крестного хода разрабатывают новый, оригинальный маршрут. Наш нынешний маршрут представлял собой огромное кольцо по Горному Алтаю. Мы выехали из Горно-Алтайска с западной стороны и вернулись в него с востока. Покинув Горно-Алтайск, повернули на юг, проехали по трассе параллельно Катуня и Чуе до самой южной точки маршрута – села Акташ (360 км). Отсюда началась пешая часть крестного хода. В основном он проходил по Чулышманской долине: с. Улаган – с. Балыктыюль – перевал Кату-Ярык – с. Коо – с. Балыкча – мыс Карсай – Телецкое озеро (78 километров за 4 часа на пароме) – с. Артыбаш – с. Кебезень – с. Верх-Бийск – с. Турочак – Горно-Алтайск. Пешая часть маршрута составила 260 километров. Самый длинный переход: с. Коо – с. Балыкча, 32 километра.

Погода была переменчива, щедра на разнообразие: и затяжные дожди, и жара, и быстротечные грозы. Ночью на перевале Кату-Ярык разыгралась такая гроза, что гром закладывал уши. Блистали молнии, как вспышки синего солнца, освещающего рельефы глубокого ущелья и низвергающиеся потоки воды.

Возраст крестоходцев самый разный: от шестилетних детей до семидесятилетних бабушек. А в последние три дня к нам присоединилась мамочка с месячным ребёночком. Приезжали семьями. Каждый находил себе компанию: дети, подростки, молодёжь и более зрелые участники. И все мы были братьями и сёстрами.

Среди нас был и свой «юродивый» – болящий молодой человек, который громко кричал, ругался и матерился. Но удивительно, как он ни ругался, как ни требовал остановиться, встать на отдых раньше положенного часа, ни разу не ослушался. Ругался, но терпел и шёл, молился. Мы сначала привыкли, а потом и полюбили нашего Ванечку. Была и монахиня, матушка Екатерина, которая не раз уже ходила в этот крестный ход.

Крестоходцы со стажем надевали длинные сарафаны, белые сорочки. Как это красиво! И почему мы все ходим в американских джинсах, а не в русских чудесных сарафанах? Обязательно, обязательно сошью себе сарафан!

Мы не несли с собой рюкзаки, их везла машина сопровождения. Но пройти многие километры по асфальту или набитой грунтовке не менее сложно, чем по горным тропам с рюкзаком. Самым трудным было идти под палящими лучами солнца, в горах оно особенно гжучее (уж лучше дождь!), преодолевать усталость, боль в ногах из-за мозолей или перенапряжения, нелегко при этом держать молитвенный настрой. Но если настроишься на молитву, она тебя и поддержит.

Все эти сложности ничтожны по сравнению с той необыкновенной духовной радостью, которая обрушилась на нас, на меня. Опыт моего единственного участия в крестном ходе был куцым и непродолжительным: 12 километров по Бутовке. Шли нестройно, то пели молитвы кто во что горазд, то вели разговоры. Здесь же, когда весь крестный ход в 150 человек двинулся и едиными устами под мерные взмахи флажков запел Иисусову молитву, перехватило горло. Первые дни то и дело приходилось сдерживать слёзы. Как будто душа обрела наконец-то желанную обитель и не может ей нарадоваться.

Ритмично взлетают вверх и опускаются красные флажки флажконосцев – так держится строй Иисусовой молитвы. Впереди над головами качаются хоругви, развивается стяг с изображением рублёвской «Троицы». Праздные разговоры не благословляются. Час идём, 7–10 минут перерыв. Жужим

орехи, изюм, печенье, пьём воду. В полдень – акафист под тенистыми ветвями берёз. Отец Лаврентий, сам любящий Алтай и тонко чувствующий красоту, нередко выбирал для акафистов особенные места над глубокими ущельями Чулышмана и синими озёрами, чтоб Божественная красота соучаствовала в наших славословиях и подкрепляла веру...

Как сладостно всем крестным ходом под колокольный звон входить в ограду храма, петь Иисусову молитву, с нежностью и любовью пропевая: «И-И-исусе Хри-и-сте», как бы звуком посылая Господу свои благодарность и благоговение. Купаться после долгих переходов в ледяных реках и озёрах, обновляясь телесно и, дай Бог, душевно. Вечерами после вечернего правила откликаться на призыв батюшки: «Подумаем о своих дневных грехах и покаемся».

Любить всех крестоходцев и даже тех, кто ранним утром вопит на весь лагерь:

– Полу-у-у-ндра!!! Подъё-ё-м!!!

А днём:

– В колонну по двое ста-а-а-но-вись!!!

Удивительной была встреча с батюшкой Макарием. Он алтаец, иеромонах, настоятель нескольких храмов в Чулышманской долине, состоит в сане игумена. Печать внешней и внутренней духовной красоты, благородной сдержанности лежала на всём его облике, сквозила в неспешных движениях, походке. Я, может, скажу лишнее, но мне он казался живым преданием алтайского народа. Его, действительно, можно назвать игуменом «всея Чулышманская долины». Отец Макарий сопровождал нас на протяжении всего этого отрезка пути, встречал с крестными ходами со своей паствой в маленьких алтайских сёлах, служил на литургиях. Его прихожане приветливо встречали нас. Это были очень волнующие моменты, когда встречались два крестных хода: наш и маленький местный. Жители алтайских деревень выходили в национальных одеждах с хлебом-солью, чудесными алтайскими лепёшками. Я обратила внимание на то, что в некоторых алтайских деревнях, например в Улагане, сохранился обычай держать иконы «покровенными руками», вернее, так: и дети, и взрослые нижний край иконы обёртывали чистым полотенцем, помещая её как в гнездышко в этот колон и не прикасаясь к ней руками.

Гостеприимные алтайцы приглашали нас в бани, варили нам компоты, борщи, угощали выпечкой, пели песни на русском и алтайском языках. И наши таланты тоже не оставались в долгу. Вечерами они устраивали концерты для местных жителей. Но никогда не получался какой-то «специальный» концерт для жителей, это было совместное творческое действие.

В известном на весь мир урочище Пазарык, на месте раскопок курганов алтайских скифов, отец

Макарий организовал для нас встречу с местным учителем-краеведом, писателем. Тот подробно и интересно рассказал об алтайских скифах, о раскопках пазарыкских курганов, об истории долины, о деятельности здесь Алтайской духовной миссии. На берегу Телецкого озера мы попрощались с отцом Макарием и удивительным краем – Чулышманской долиной.

В этой долине посетило меня единожды удивительно состояние. Мы шли вдоль Чулышмана. Разгорался закат. Вокруг дикие, пламенеющие от закатного солнца скалы, зелёные альпийские луга, широкая бирюзовая лента Чулышмана, в прихотливом порядке рассыпаны по лугам серые и коричневые камни, создающие иллюзию японского сада. И мы, объединённые единым духовным порывом, шествуем с пением молитвы среди этой Божественной красоты. Я почувствовала себя членом Братства Христа: мы идём день за днём, год за годом в поисках величайшей драгоценности: чаши Грааля, райской обители, бессмертия...

Кстати, нас часто спрашивали встречные:

– Куда вы идёте?

Одна участница всякий раз отвечала:

– К Богу.

Возможно, это пафосно, но по факту как будто правильно.

Мне интересно было всматриваться в лица тех, кто встречался на пути, – водителей и их пассажиров, прохожих. Такая разная реакция!

Насмешливая: идут придурки и фрики. «Алё! Двадцать первый век на дворе, в мобильники свои давно заглядывали?» – было написано на их лицах.

Абсолютно равнодушная: ничего не идёт – пустое место.

Туристическая: «Прикольно, акция какая-то, надо снять».

Напряжённое любопытство: «Зачем?».

Ещё более напряжённое: «Почему они идут, это ведь зачем-то им надо? Они что-то знают и чувствуют, чего не знаем мы». Пытливая работа души отпечатывалась на лицах таких людей.

Радостная: выходят из машин, улыбаются, крестятся на иконы, кланяются им. Это – наши, они знают, что за «акция» происходит.

В селе Верх-Бийском я стояла в какой-то момент отдельно от крестного хода, готовясь сделать снимок. Ко мне подошла пожилая пара. Бабушка тронула меня за руку.

– Вы делаете очень хорошее дело, благое.

Дед добавил:

– Это дело святое. Спасибо вам, спасибо.

По его морщинистому, пропечённому солнцем лицу текли слёзы.

А в этой немаленькой русской деревне не было даже молитвенного дома и православной общины.

Нас тронула одна женщина, мы встретили её на трассе недалеко от Акташа. Она стояла возле машины и говорила нам:

– Спасибо вам! Спаси вас Господи! Мы-то уже ни на что не способны, только брюхо набивать.

Женщина так горько и искренне раскаялась перед нами и тем самым побудила нас самих восхититься её душевным порывом.

Я подумала, что такие полярные реакции на крестный ход – это отражение образа России, в которой живут все: и глумящиеся над Церковью, и игнорирующие её, и любопытствующие, сочувствующие, верующие, горячо верующие.

В Артыбаше в один из вечеров мы собрались в церкви иконы «Умиление Божией Матери» на беседе с отцом Сергием. Все расселись прямо на крашеном деревянном полу церкви. За окном сверкали молнии, гремел гром, лил дождь, а мы здесь чувствовали себя, как в спасительном Ноевом ковчеге.

– Почему молишься за больных, а им это не помогает? – прозвучал отчаянный вопрос от Димы.

Судя по напряжённому вниманию, ответ был очень важен для всех.

– Я как священник часто с этим сталкиваюсь. И как священник верую в безусловную пользу молитвы. Она полезна прежде всего для молящегося. Мы не

можем знать всех обстоятельств того, почему Господь не даёт по нашим молитвам исцелений больных. Это только он знает. Но для Господа именно сама ваша молитва нужна и ценна. Она ценна и для того, за кого вы молитесь. Господь её слышит. Молитва – это плод вашей души. Поэтому не ослабляйте молитвенного делания ни при каких обстоятельствах.

Молитвы за нас наших ближних – это тот «духовный капитал», с которым прибудем мы ко Господу...

Последний пункт пешего маршрута – село Турочак. Там мы разбили лагерь на берегу красивейшей излучины Бии. В Турочаке проходили и последняя литургия, и заключительный сводный концерт в местном Доме культуры, и выставка живописных работ наших художников Татьяны Дубской (Кемерово) и Василисы Донбай (Горно-Алтайск), сделанных в период крестного хода.

В Турочаке во время вечернего богослужения в Никольском храме стоящая в уголке рядом со мной девушка беззвучно плакала, прижимая к груди икону «Троица».

– Почему ты плачешь? Что случилось?

– Ничего-ничего. Это я от радости, что дошли.

Она целовала икону, и слёзы текли по щекам. А мне так хотелось обнять и расцеловать эту нежную девушку.

